

≡ О ПРАВѢ ≡ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

—
СОЦІАЛЬНО-ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ

П. И. НОВГОРОДЦЕВА,

профессора московскаго университета

и

І. А. ПОКРОВСКАГО,

профессора с.-петербургскаго университета

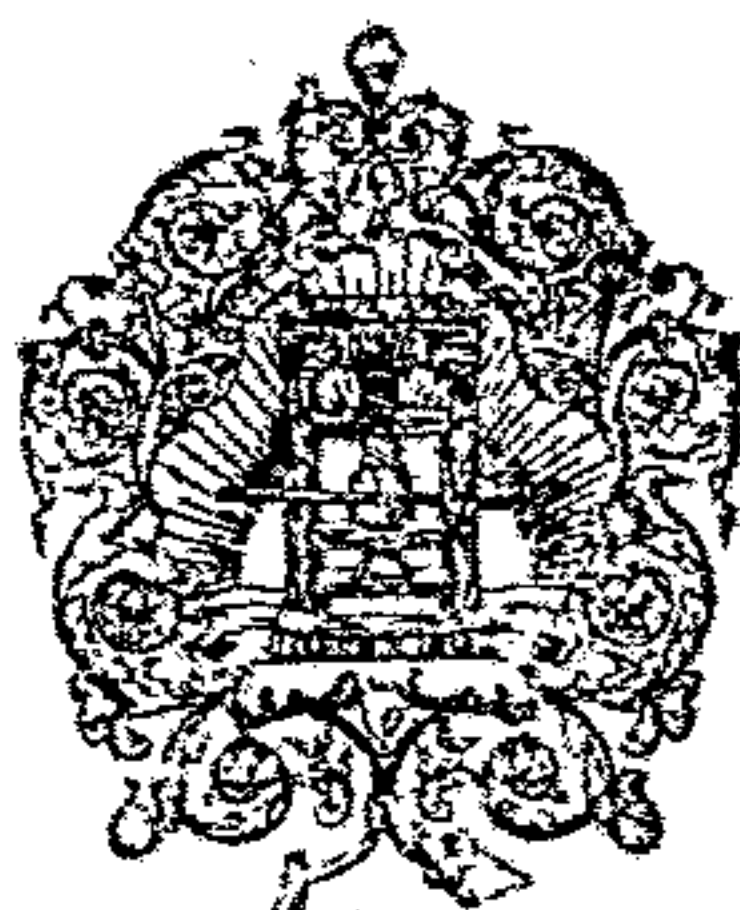
ИЗДАНИЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 || Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 23.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФИИ
Г-на М. О. БОЛЬФЪ
СПОТЕРБУРГЪ. Кас. дотр. 16 анія сох. дати

38100P

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВСЕСОЮЗНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ИНСТИТУТА
СОЮЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
1939

Проф. П. И. Новгородцевъ

ПРАВО НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Право на достойное человеческое существование.

СРЕДИ тѣхъ правъ, которыя помѣщаются обыкновенно въ современныхъ деклараціяхъ, нѣтъ одного, которое по всѣмъ даннымъ должно бы было найти мѣсто въ символѣ вѣры современнаго правосознанія: это—право на достойное человеческое существование. А между тѣмъ, если есть какая-либо яркая и отличительная черта того новаго воззрѣнія, которое все болѣе даетъ себя знать въ различныхъ общественныхъ заявленіяхъ, такъ это именно—признаніе за указаннымъ правомъ не нравственнаго только, но и юридическаго значенія. Въ этомъ случаѣ на нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ тѣхъ обычныхъ переходовъ нравственнаго сознанія въ правовое, которыми отмѣчено прогрессивное развитіе права. И, быть можетъ, у насъ въ Россіи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, этому новому виду права суждено получить ясное принципиальное признаніе.

Но что же такое «право на достойное человеческое существование»? Не представляетъ ли оно

собою понятія, неуловимаго по содержанію и противорѣчиваго по смыслу, слишкомъ широкаго для того, чтобы вмѣститься въ рамки юридической регламентаціи, и слишкомъ субъективнаго для того, чтобы быть предметомъ общихъ опредѣленій? Конечно, понятіе о достойной человѣческой жизни открываетъ просторъ для безконечныхъ требованій и предположеній во всю мѣру безконечнаго человѣческаго идеала. Но когда говорятъ о правѣ на достойное человѣческое существованіе, то подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не положительное содержаніе человѣческаго идеала, а только отрицаніе тѣхъ условій, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни. Точно также говоримъ мы о правѣ свободной мысли и вѣрующей совѣсти, въ смыслъ отрицанія внѣшнихъ стѣсненій для духа, хотя хорошо знаемъ, что положительное осуществленіе идеала внутренней свободы однимъ этимъ не можетъ быть достигнуто.

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ очевидно о томъ, чтобы обезпечить для каждаго возможность человѣческаго существованія и освободить отъ гнета такихъ условій жизни, которыя убиваютъ человѣка физически и нравственно. И такъ какъ подобная забота относится прежде всего къ тѣмъ, кто не можетъ стать на твердую почву въ жизненной борьбѣ, кто нуждается въ помощи и поддержкѣ, то обезпеченіе права на достойное человѣческое существованіе ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду лицъ, страдаю-

щихъ отъ экономической зависимости, отъ недостатка средствъ, отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Но здѣсь возникаетъ новое сомнѣніе. Можетъ ли право взять на себя эту задачу, столь обширную и сложную? Мы знаемъ взглядъ старой юридической школы, которая учила, что поддержка нуждающихся не можетъ быть задачей права:

«Этому требованію можетъ удовлетворить уже не право, а иное начало—любовь. Тутъ приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостатокъ средствъ. Это дѣлается прежде всего частною благотворительностью; тамъ же, гдѣ послѣдняя оказывается недостаточною, на помощь приходитъ государство съ своею администраціею. Но въ обоихъ случаяхъ человеколюбіе является не нарушеніемъ, а восполненіемъ права. Право одно для всѣхъ; человеколюбіе же имѣетъ въ виду только извѣстную часть общества, нуждающуюся въ помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала измѣнить свое право, то-есть вмѣсто установленія одинаковой свободы для всѣхъ, обирать богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, какъ этого требуютъ социалисты, то это было бы не только нарушеніемъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ извращеніемъ коренныхъ законовъ человѣческаго общежитія»¹⁾.

Этотъ взглядъ, столь авторитетный въ свое время, весь поконится на одной коренной ошибкѣ, раскрытой какъ нельзя ярче общественнымъ развитіемъ XIX вѣка: ставя цѣлью права охрану свободы и отдѣляя отъ

¹⁾ Чичеринъ, «Собственность и государство», ч. I, стр. 267.

этого потребность въ восполненіи средствъ, эта теорія забываетъ, что пользованіе свободой можетъ быть совершенно парализовано недостаткомъ средствъ. Задача и сущность права состоитъ дѣйствительно въ охранѣ личной свободы, но для осуществленія этой цѣли необходима и забота о матеріальныхъ условіяхъ свободы: безъ этого свобода нѣкоторыхъ можетъ остаться пустымъ звукомъ, недостижимымъ благомъ, закрѣпленнымъ за ними юридически и отнятымъ фактически. Такимъ образомъ именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о матеріальныхъ условіяхъ ея осуществленія; во имя достоинства личности, оно должно взять на себя заботу объ огражденіи права на достойное человѣческое существованіе. Изъ глубины, изъ нѣдръ жизни къ намъ несутся стоны объ охранѣ этого права. Безхитростнымъ, исполненнымъ глубокаго трагизма языкомъ рабочій людъ жалуется на свое униженіе: «наша жизнь хуже рабочаго скота; на скотѣ работаютъ почти день и ночь, вотъ точно такова же и наша жизнь; просимъ, просимъ васъ, помогите намъ скинуть тяжелое бремя, которое лежитъ на насъ, которое закрываетъ намъ двери къ просвѣщенію нашего ума» ¹⁾. А что сказать объ этой ужасной квалификаціи деревенскихъ мужиковъ, которыхъ городскіе рабочіе называютъ «бродячими собаками безъ номера» и которыхъ уровень жизни вы-

¹⁾ Изъ писемъ рабочихъ, приводимыхъ въ брошюрѣ проф. Озерова «Нужды рабочаго класса».

ражается пословицей: «наше дѣло телячье — поѣлъ да и въ хлѣвъ».

Юристу нашихъ дней тѣмъ менѣе возможно повторять старое понятіе объ охранѣ формальной свободы, что сама практика жизни идетъ въ разрѣзъ съ этой теоріей. Что такое фабричное законодательство, какъ не забота объ «извѣстной части общества, нуждающейся въ помощи», забота, восполняющая «недостатокъ средствъ» въ неравной борьбѣ труда съ капиталомъ? Не очевидно ли изъ одного этого примѣра, что право не ограничивается одной охраной свободы, а беретъ на себя также и регулированіе матеріальныхъ условій ея осуществленія. Несомнѣнно, что право уже вступило на этотъ путь: необходимо только формулировать и закрѣпить ту цѣль, которая открывается для права на этомъ пути, и намъ представляется, что лучшимъ выраженіемъ для этой цѣли является признаніе права на достойное человѣческое существованіе ¹⁾.

Конечно, потребности человѣка разнообразны и субъективны, и опредѣлить точно, гдѣ начинается образъ жизни, достойный человѣка, нельзя. Однако,

¹⁾ Въ нашей литературѣ это обозначеніе впервые употреблено Влад. Соловьевымъ въ «Оправданіи добра». Объектъ этого права Соловьевъ опредѣляетъ въ видѣ требованія, «чтобы всякій человѣкъ имѣлъ не только обезпеченныя средства къ существованію (т.-е. одежду и жилище съ тепломъ и воздухомъ) и достаточный физическій отдыхъ, но чтобы онъ могъ также пользоваться и досугомъ для своего духовнаго совершенствованія». (Собр. сочн., т. 7, стр. 353—355).

изъ этого не слѣдуетъ, что праву здѣсь нечего дѣлать и нечего опредѣлять.

Прежде всего несомнѣнно, что въ каждомъ обществѣ, въ каждомъ положеніи есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предѣлъ, за которымъ начинается недопустимая крайность. Можно спорить о восьми или девяти часовомъ рабочемъ днѣ, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часовъ работы есть безсовѣстная эксплуатація. Можно спорить о возможныхъ размѣрахъ жилищъ въ сторону отклоненія вверхъ отъ минимальной нормы; но безспорно, что темные и сырые подвалы противорѣчатъ всякимъ нормамъ допустимаго и возможнаго. Право и становится на этотъ путь, когда оно беретъ на себя опредѣленіе извѣстныхъ условныхъ нормъ. И въ этомъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе уже одно признаніе принципа охраны личности въ каждомъ человѣкѣ. То, что особенно гнететъ и удручаетъ труженниковъ жизни, это—сознаніе своей беззащитности и беспомощности въ жизненной борьбѣ. Высказать въ самомъ законѣ принципъ поддержки всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ — это значитъ возвысить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, укрѣпить сознаніе, что за нихъ стоитъ самъ законъ.

Но одного провозглашенія общаго принципа, конечно, недостаточно. Для того, чтобы этотъ принципъ не остался только нравственнымъ пожеланіемъ, необходимо, чтобы изъ него вытекали конкретныя юридическія слѣдствія.

Одно изъ этихъ слѣдствій мы уже упомянули: